

Андрей Толоков

Закон отрицательной селекции

Андрей Толоков

Закон отрицательной селекции

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Толоков А. А.

Закон отрицательной селекции / А. А. Толоков — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-06803-2

Романа Калугина в начале девяностых увольняют из армии. Его, человека честного, обладающего аналитическим складом ума, вербуют внештатным сотрудником спецслужбы. Роман внедряется в банду Архипа. Среди офицеров ФСБ находится предатель. Калугину и его семье грозит смертельная опасность. Обстоятельства на стороне нашего героя. Но в наши дни ему приходится столкнуться с эхом прошлого.

ISBN 978-5-532-06803-2

© Толоков А. А., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Пролог	5
Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Пролог

Уже несколько недель, как Роман переселился в этот уютный домик на берегу залива Баия де Карденас. Мужчина по многу часов сидел на веранде и смотрел на море. Вдали от родного берега, от семьи, от друзей и знакомых. Вдали от некогда родного дома. О чем еще можно мечтать человеку с колоссальной энергией и пытливым умом? Человеку, способному вершить большие дела? О многом. В его годы хочется мечтать о многом. Хотя какие они, его годы? Но невероятные и вместе с тем жестокие события, которые пришлось пережить Роману, мешали ему двигаться дальше.

Если рай на земле есть, то он именно здесь. На берегу пляжа Санта Марта. Кипенно-белый песок, ленивые пальмы, неторопливо бредущие загорелые люди, живущие и словно замершие в этом времени. «Рай на земле есть». Это были первые слова, которые Роман Алексеевич Калугин написал в своем дневнике. Он начал писать только сегодня. Он, наконец, понял насколько удачно подобрано место для воплощения задуманного. Роману нужен покой. Ему просто необходимо время, чтобы все обдумать и вернуть душевное равновесие. Поэтому он здесь.

Часть первая

Подлость

Майор Иванцов размашистой подписью заверил бумаги и поднял глаза на Романа.

– Очень жаль, Калугин, что такие толковые офицеры нас покидают, – сказал он, передавая документы Роману. – Но, с другой стороны, тебе надо расти, а здесь перспективы неважные.

– Спасибо, товарищ майор, за добрые слова. Разрешите идти?

– Идите, Калугин! – Иванцов протянул Роману руку и добавил. – Удачи тебе на новом месте службы.

Роман с неким сожалением покидал этот забытый богом гарнизон. Служба, конечно, здесь была не сахар и условия тяжкие, но за несколько лет старший лейтенант Калугин привык к простым добрым людям, окружавшим его и к первозданной природе, о существовании которой он, городской житель, раньше не догадывался. Все же впереди была другая жизнь, другие возможности. Это вселяло оптимизм. Это позволяло строить планы. Будущее казалось светлым и многообещающим. Старший лейтенант Калугин был назначен на должность в военное училище. Это было хорошее повышение по службе.

Роман и его жена Анастасия, с небогатыми пожитками, ехали в стареньком автобусе, который офицеры называли странным словом «Поларис», на железнодорожную станцию. Дорога была неблизкой. Роман вспомнил, как почти четыре года назад он, молодой лейтенант, вышел глубокой ночью на той самой станции. Поезд двинулся дальше, а он остался стоять на перроне. Начищенные до блеска сапоги, ладно сидящая, прямо с иголочки парадная форма. Всё как учили в училище. Роман прошел через здание вокзала и вышел на улицу. Перед ним горел одинокий фонарь. Но даже в этом тусклом свете офицер понял, что цивилизацией тут и не пахло.

– Что, парень, заблудился? – раздался за спиной негромкий голос.

Офицер обернулся и увидел человека в длинном брезентовом плаще и железнодорожной фуражке. Тот дымил папиросой, крепко зажав её в углу рта.

– Здравствуйте! – поприветствовал незнакомца лейтенант. – Подскажите, как мне найти вот эту воинскую часть? – Роман протянул железнодорожнику предписание.

– Да можешь мне свою бумагу не показывать, – сквозь дым процедил незнакомец. – Воинская часть тут одна. Смотри, браток! Вот эту улицу видишь?

– С трудом, – взглядываясь в темноту, ответил Роман.

– Ну. Словом, вдоль этих домиков пойдешь. Все время прямо. Километра два. Как упрешься в бетонный забор, поверни налево. Там увидишь КПП. Это твоя часть. Только знаешь, лейтенант, сапоги твои жалко. Не прибрано тут у нас. Грязно.

– Да я уже понял. Ничего, не расклеятся. Спасибо вам, не знаю, как вас зовут.

– Сергей Николаевич я. Дежурный по этой станции.

– Спасибо, Сергей Николаевич.

– Давай– давай, – махнул рукой дежурный. – Ступай, служи Родине.

Роман взял чемодан и, взглядываясь в темноту, пошел в направлении своей воинской части.

Кабинет у начальника отдела кадров майора Иванцова был узкий, как коридор. Мебели было минимум. В основном стеллажи с бумажными папками. Даже стула, на который мог бы присесть посетитель, не было. Поэтому Калугин терпеливо стоял напротив майора и ждал, когда тот ознакомится с его документами.

– Ничего не пойму! – с удивлением произнес Иванцов. – Как так, Калугин, с таким отличным дипломом и такой аттестацией ты попал в нашу «Тмутаракань»? Там что у вас в училище, яйцеголовые сидят?

– Не знаю, товарищ майор, такое распределение получил. А головы там вроде все нормальные. Круглые.

Роман лукавил. На самом деле он хорошо понимал, почему его, заместителя командира курсантского взвода, отличника, распределили в эту часть. Роман должен был поехать в Группу Советских войск в Германии. Все складывалось очень неплохо. Но буквально за две недели до выпуска его вызвал командир роты.

– Садись, Калугин, – хмуро сказал ротный. – Рома, ты парень крепкий, поэтому прошу, пойми все правильно. Мы с взводным бились за тебя вчера целый день, но сломать комбата не получилось.

– Я так понимаю, товарищ майор, проблемы с распределением? – спросил Роман.

– Да! – ротный вздохнул и с досадой сказал. – Ну почему ты отказался остаться в училище? Здесь бы тебя никто не сковырнул. Я же тебе говорил! Не претендуй ты на эти бластные места. Вот засада и получилась!

– Товарищ майор, говорите прямо. Я ко всему готов. Не в первый раз.

– Курсант Ершов, из третьего взвода. Этот тихоня. Вот уж и вправду, в тихом омуте черти водятся. Все у него по-серенькому, такой среднестатистический курсант. Ни плохой, ни хороший. Незаметный человечек. Я и в толк взять не мог, почему это о нем так беспокоится замначальника училища. Думал какой-то знакомый или дальний родственник. А оно, оказывается, вот что. Мамаша-то у нашего Ершова, по фамилии Павлова, второй секретарь обкома. Тут, Рома, выше головы не прыгнешь. А ты у нас, просто классный парень. Хороший курсант. Отличник. Но прикрытия у тебя, кроме меня и взводного никакого нет. Комбат тоже слабаком оказался. Чтобы не иметь проблем решил тебя поменять. Свинство это, Рома.

– Я вас понял. Куда мне теперь ехать?

– Вот! – майор достал из ящика стола предписание. – Хреновое место. Туда Ершов должен был ехать. Но видишь, как все вышло.

– Не казните себя, товарищ майор. Я справлюсь.

– Калугин, ты помайся там пару лет, а потом я тебя к нам, в училище вытащу. Обещаю, Роман.

Все это рассказывать Иванцову Роман не хотел. Да и какой смысл.

– Видишь ли, лейтенант! – извиняющимся тоном произнес майор. – У нас для тебя только одна вакансия. И та у черга на куличках. Ты уж потерпи. Как только что-нибудь появится в городе, мы тебя переведем. Ты же пока не женат?

– Пока нет.

– Ну вот. Там для холостого условия более-менее.

Так Роман попал в этот дальний гарнизон. Условия более-менее, со слов майора Иващенко, это одноэтажный деревянный барак, втиснутый между огромными соснами, отсутствие горячей воды, дорожки из битого кирпича с досками, переброшенными через бесформенные лужи. А главное, комары и всякие гнусы. Теперь всё это позади. «Помайлся» правда, не пару лет, как обещал ротный, а гораздо больше. И вместе с ним эти тяготы переносила его милая Настя. Роман обнял жену и прижал к себе покрепче. В этот момент он вспомнил, как судьба свела их. Как говорят, не было бы счастья, да несчастье помогло. На месте Анастасии должна была быть совсем другая женщина, Ольга.

Правильно они тогда с Ольгой решили со свадьбой не спешить. Одно дело, когда он поехал бы в Германию, где есть все условия для нормальной семейной жизни, а совсем другое лес, барак и полное отсутствие элементарных человеческих условий.

Первые месяцы письма получались и отправлялись с завидной регулярностью. Даже получилось пару раз поговорить по телефону, когда Роману удавалось добраться до телеграфа. Но потом, перерывы между посланиями становились все дольше. Последний раз Ольга ответила на письмо в мае. А теперь уже июль. Ни одной весточки. Роман понимал, что время и разлука сделали свое черное дело. Скорее всего, свадьбы уже не будет. Все же в отпуске, который ему со скрипом дали в ноябре, он приехал к Ольге. Где-то все-таки еще теплилась надежда на то, что увидев Романа, чувства у девушки снова проснутся.

Роман подошел к подъезду. Посмотрел на знакомые окна. Свет горел. Значит дома кто-нибудь, да есть. В руках у него был букет, а в кармане красивая бирюзовая коробочка с золотой цепочкой. Негоже приходиться без подарка. Роман поднялся на этаж, остановился у двери и замер. Рука никак не поднималась нажать на звонок. «Наверное, надо было все выяснить в письме, – думал Калугин. – Но как? На письма она не отвечает. Тогда зачем я здесь? Как зачем?– Чтобы все выяснить. Надо поставить либо точку, либо запятую. Вопросительный знак тут не подходит». Роман позвонил в квартиру. Дверь открыла мама Ольги и с нескрываемым удивлением произнесла:

– Боже! Рома! Ты откуда?

– Здравствуйте, Вера Михайловна! Это вам, – Роман протянул женщине букет. – Я приехал в отпуск. И решил зайти к Ольге. Она не отвечает на мои письма. Я хочу понять, в чем дело.

Вера Михайловна смотрела на Романа странным неуверенным взглядом и молчала. Повисла неловкая пауза. Ситуацию разрешил вошедший в прихожую отец Ольги.

– О! Роман! Вера, ты чего держишь парня в дверях? Приглашай гостя.

– Действительно, Рома, извини, – засуетилась хозяйка. – Проходи в комнату. Ольги сейчас нет. Она с подружками на вечеринке. День рождения у подруги, у Насти.

– Давайте, я зайду в другой раз, – предложил Калугин.

– Нет! Что ты! Проходи. Она скоро будет. Чаю поьем. Да ты, наверное, еще и голодный?

– Спасибо, Вера Михайловна. Я покушал в столовой. Не беспокойтесь.

– Ну, долго вас еще ждать? – раздался из кухни голос Александра Николаевича. – Что там выяснять в коридоре? Рома, мой руки и за стол.

Роман разулся. Помыл руки и прошел на кухню где за небольшим столом, широко расставив руки, сидел Александр Николаевич.

– Садись! Тебе рюмку налить? – по-свойски спросил Олин отец, открывая бутылку «Столичной».

– Я бы с удовольствием, Александр Николаевич, но давайтеждемся Олю. Нехорошо это встречать любимую девушку в нетрезвом виде.

– Вот правильный ты мужик, Роман, – наливая себе водки, сказал Александр Николаевич. – За тебя, парень.

Отец выпил залпом приличных размеров рюмку и закусил кусочком жирной селедочки с маринованным лучком.

– Ты, Рома, не стесняйся. Угощайся. Сейчас мать тебе котлетки разогреет, – мужчина активно жестикулировал руками, как бы иллюстрируя свою речь. – Ты же помнишь её вкуснейшие котлетки? А, Ром?

– Конечно, помню! – скромно подтвердил Роман.

– Я себе еще налью. Жаль, конечно, что ты не хочешь, – Александр Николаевич налил себе водки по самые края рюмки, глубоко вздохнул и молча «махнул» её залпом. – Я Ольге всегда говорил, что ей нужен такой мужик как ты. Крепкий, уверенный. А она... – он с досадой махнул рукой.

– А что она? – спросил Роман.

– Саша! – вмешалась в разговор Вера Михайловна. – Не лезь в чужую жизнь. Пусть они сами между собой все решат.

– Права женщина, – отец согласно покачал головой. – Права. Вы сами все решаете. Только кажется мне...

В это время громко распахнулась входная дверь, и в квартиру ворвался звонкий девичий хохот.

– Ну, вот и Ольга, – наливая себе третью рюмку, сказал Александр Николаевич.

Вера Михайловна поставила перед Романом тарелку с котлетами и картофельным пюре. Сняла фартук и вышла встречать девочек.

– Оленька, а у нас гости, – выходя в прихожую, громко сказала Вера Михайловна.

– Какие гости? – удивилась Ольга. – Мы же никого не ждали.

Ольга вошла на кухню и увидела стоящего у стола Романа. Улыбку с лица Ольги как ветром сдуло.

– Пойдем! – девушка взяла Романа за руку и повела за собой. Она завела Калугина в свою комнату, закрыла дверь и сквозь зубы процедила:

– Зачем ты приехал? Я всегда считала тебя умным парнем. Ты давно должен был понять, что наших отношений больше нет.

– Я это понимал, Оля, – спокойно ответил мужчина. – Только хотелось это услышать от тебя, а не строить догадки на основе пропавших писем.

– По– твоему, я должна была тебе все разжевать и в ротик положить? – нервно продолжала девушка.

– Жевать ничего не надо. Надо просто говорить правду. Это честно и правильно.

– Правильный ты наш! – ещё больше разозлилась Ольга. – От твоей правильности тошнит!

Она вышла из комнаты и громко сказала, обращаясь ко всем присутствующим в квартире:

– Я уйду! Ночевать буду у подруги! Настя, ты со мной?

Настя, милая, симпатичная девушка, с короткой элегантной стрижкой, стояла между прихожей и кухней. Растерянно переводя взгляд то на Олиных родителей, то на Ольгу, то на Романа, робко произнесла:

– Оля, так нельзя. Давай успокоимся и все решим мирно. Ну, зачем обижать родителей и молодого человека? Да и вообще, сегодня мой день рождения. Давай я буду решать уходить нам или остаться.

– Знаешь что, подруга! – сказала Ольга, застегнув сапоги и накинув на шею большой, цветастый шарф. – Я решаю, оставаться мне или уйти. А ты можешь здесь никого не обижать. Счастливо!

Ольга взяла с вешалки пальто и вышла, громко хлопнув дверью.

– Вот сука! – в повисшей тишине раздался голос Александра Николаевича. – Кого воспитали, мать?

– Но так же нельзя, правда? – дрожащим от обиды голосом спросила Настя. – Зачем так? Все было так хорошо.

– Настя! – Роман подошел к девушке и взял её за руку. – Не расстраивайтесь. Это я во всем виноват. Я испортил ваш праздник, – он достал из кармана куртки бирюзовую коробочку и протянул её Насте. – Это вам. С днем рождения! Простите, мы не познакомились. Меня зовут Роман. Я... я, пожалуй, пойду. Извините меня, Александр Николаевич, Вера Михайловна, Настя. Прощайте!

Роман быстро обулся, схватил куртку, шапку и вышел.

Он шел по мокрой холодной улице. Настроение было паршивое. Решил поехать на вокзал и взять билет на поезд. Но куда? Возвращаться на службу надо было только через три недели. Родителей он уже навестил. Роман решил не торопиться и поехал на квартиру к приятелю,

у которого остановился. Утро вечера мудренее. Завтра будет день и что-нибудь придумается, решил для себя Калугин.

Утром, как обычно, он надел спортивную форму и вышел на пробежку. Размялся около подъезда и медленно побежал вдоль аллеи парка. А когда возвращался, у подъезда вдруг наткнулся на ожидавшую его, дрожащую от холода Настю.

– Боже, Настя, да вы вся продрогли! – Роман был удивлен, увидев вчерашнюю знакомую.

– Я... это... – Настя, то ли от волнения, то ли от холода, никак не могла сформулировать предложение.

– Пойдемте, Настя, в дом. Вы так простудитесь и заболите. Я вас сейчас чаем угошу, горячим, – Роман взял девушку за руку и повел в квартиру. Настя хотела возразить, но холод парализовал её волю.

Они зашли в квартиру, и Роман провел гостью на кухню, даже не дав ей снять пальто. Настя села на предложенный стул и, робко подняв глаза, молча, положила на стол бирюзовую коробочку, подаренную вчера Романом.

– Вот. Заберите это.

– Как вы меня нашли? – как бы, не замечая коробочку, спросил Калугин.

– Александр Николаевич подсказал мне, где вы могли остановиться. Вот я и пришла наудачу. Заберите это. Вы ведь не мне это покупали?

– Настя, а вы забавная. И милая очень, – молодой человек смотрел на девушку и приятно улыбался.

– Роман, не заговаривайте мне зубы. Заберите это.

– Я это заберу, – согласился Роман. – Но с одним условием.

– С каким ещё условием?

– У меня ещё три недели отпуска. А проводить его здесь, Настя, неразумно. Погода слякотная, холодная. Поехали со мной в Крым. Там тепло. Попьем хорошего вина, посмотрим интересные места.

– Роман, это очень странное предложение, – Настя перестала дрожать и непонимающим взглядом посмотрела на парня.

– Что тут странного? Одному ехать мне не хочется. Друзей в этом городе у меня нет. Знакомые только вы и Ольга. Ну, Ольга понятно, выпала из обоймы. А вы, Настя, девушка красивая и очень обаятельная. Обещаю, что буду вести себя как джентльмен. Настя, я советский офицер. Я вас не обижу.

– А что я скажу родителям?

– А так и скажите, мол, встретила хорошего парня, хочу посмотреть, стоит выходить за него замуж или нет.

– Вы смеётесь? – Настя громко захохотала. – Я же вижу вас всего второй раз.

– Ну и что? – парировал Роман, наливая Насте чай. – А кто сказал, что надо увидеться десять раз или пятнадцать? Бывает так, что один раз увидишь человека и всю жизнь его не забудешь.

– Нет, Рома! Так нельзя. Это легкомысленно.

– Настя, давайте начистоту. Вы мне симпатичны. С вами приятно общаться. Через две недели я привезу вас обратно. Там и посмотрим, стоит ли нам поддерживать отношения или забыть о них навсегда. Мое предложение вас ни к чему не обязывает, – Роман придвинул к девушке маленькую вазочку с вареньем. – Конфет нет, пейте с вареньем.

Настя сначала погрела руки о горячую чашку, а затем отпила немного. Девушка явно обдумывала предложение молодого человека. Она робко подняла глаза и стала украдкой наблюдать за Романом. Складный, симпатичный, очень уверенный в себе молодой человек. Настя поймала себя на мысли, что никто и никогда из её знакомых парней не делал ей подобных предложений. Да и не сделает, это точно! Наверное, надо соглашаться. Это шанс хоть как-то

изменить жизнь. Легкомысленно? Есть немного. Но она молода и если что, можно все исправить. К тому же, Роман обещал вести себя как джентльмен. А судя по тому, что Настя слышала о нем от Ольги, парень честный.

– Настя, будете со мной завтракать? – прервал размышления девушки Роман. – У нас сегодня яичница с колбасой. Как впрочем, и вчера. Как, наверное, будет и завтра.

– Когда едем? – внезапно спросила девушка.

Роман слегка опешил. Он, конечно, ждал какого-то решения от Анастасии, но эта фраза была неожиданна.

– Да хоть завтра! – Калугин поставил сковородку с яичницей обратно на плиту. – Сейчас пойду за билетами.

... Через три дня они были уже в Алуште. Алушта город, в котором можно найти лишь несколько прямых улиц. Все остальные выются как ужи вокруг гор. Здесь у Романа жила двоюродная тетка. У неё и поселились. На улице с киношным названием Заречная. Тетя Полина поселила Романа в пристройку, а девушку в мансарде. Калугин сразу объявил тетке, что они просто друзья. Собственно, так оно и было. Роман все ещё думал об Ольге, но твердо для себя решил, что возврата к прошлому не будет. На Анастасию, конечно, планов никаких у парня не было. Они вместе коротали время, но никаких ухаживаний Роман себе не позволял. А вот Насте Калугин нравился. В какой-то момент она даже испугалась этого. Она понимала, что если Роман сделает шаг ей навстречу, то сопротивляться она не сможет. Но пока Калугин был очень деликатен и держал дистанцию.

Уже несколько дней они вместе завтракали и шли к морю. Гуляли по набережной. Заходили в «кафешки». Смотрели кино в пустом зале кинотеатра. Сезон давно закончился, и в городе было пустынно и спокойно. Погода была уже совсем не летняя. Море прохладное.

В один из вечеров Роман пригласил Настю в ресторан.

– А по какому поводу банкет? – с озорной улыбкой спросила Анастасия.

– Настя, сейчас я придумую! – Роман сделал вид, будто задумался. – А повод, вот какой! Ровно десять дней назад мы с тобой познакомились.

– Тоже мне, повод нашел! Десять дней!

– А что? Десять, это юбилейная дата, – шутил Калугин. – Почему бы её не отметить.

– Ну ладно, – сдалась Настя. – Я пойду собираться.

В уютном ресторанчике народу было мало. За стойкой бара сидела местная молодежь. В центре зала, за большим столом, компания командировочных шумно что-то отмечала. Роман с Настей устроились за столиком на двоих, у окна. Отсюда был красивый вид на осеннее море. Они заказали по салату, эскалопу и бутылку «Бахчисарайского фонтана».

– Настя, можно я скажу тост? – спросил Роман.

– Конечно, Роман Алексеевич, говорите. Я само внимание! – пошутила девушка.

– Я хочу поднять бокал за твою решительность, Настя.

Девушка удивленно подняла брови.

– Я сейчас все объясню, – продолжал Роман. – Тогда, ровно десять дней назад, ты поразила меня своим вопросом: «Когда едем»? Это было здорово. В этом есть характер. Мы общаемся уже десять дней, и хочу тебе признаться. Мне хорошо, когда ты рядом со мной. За тебя, Анастасия!

Настя не ожидала столь откровенного признания от всегда сдержанного Романа, но это неожиданность ей была приятна. Первая бутылка вина кончилась довольно быстро, и молодые люди заказали вторую. Засиделись до самого закрытия. После пошли к морю.

– Роман, ты сегодня сказал тост за мою решительность? – вдруг спросила Настя.

– Да!

– И не зря. Я сейчас покажу тебе, что такое решительная Анастасия, – она направилась к кромке воды.

– Настя! – окликнул девушку Роман. – Что ты собираешься сделать?

– Искупаться в море! – крикнула Настя и начала раздеваться.

– Ты с ума сошла! Вода холодная! – Роман отговаривал Настю и, вместе с тем, очень хотел посмотреть, что из этой затеи выйдет.

– Да, Рома, да! – отвечала девушка, продолжая раздеваться. – Я сошла с ума, когда согласилась поехать с тобой!

Оставшись в одном нижнем белье, Настя смело вошла в воду и поплыла. Роман стоял на берегу и громко хохотал. Это безумство ему настолько нравилось, что он не мог с собой совладать. Настя вышла из воды, вся покрывшаяся огромными мурашками. Роман снял куртку и укутал девушку, затем собрал в охапку её одежду, взял Настю на руки и понес к маленькому кафе на набережной. Там официантка принесла полотенце и чашку горячего чая. Промерзшая девушка пила его так же как тогда, когда пришла к Роману вернуть подарок. Роман смотрел на неё влюбленным взглядом. Именно в этот момент он понял, что это его женщина. Он обнял Настю и нежно поцеловал её в губы. Срослось.

Через месяц Анастасия приехала к Роману. Он встретил её на станции и сразу повез в ЗАГС. Подали заявление. В скором времени расписались. Справить свадьбу возможности не было. Да и зачем она была нужна, ведь свадебное путешествие у них уже случилось. Все эти стандартные процедуры им были ни к чему.

***

В прошлом году Калугину отказали в праве поступить в военную академию. Причина была примерно та же, по которой Роман отправился служить в дальний гарнизон. Теперь когда, казалось бы, препятствий нет, опять отказ. На этот раз причиной стала плохая аттестация. Роман понимал, что это личная неприязнь со стороны его начальника. И понимал причину этой неприязни. Он не раз слышал от командира батальона фразу в упрек ему: «Калугин, ты не думай. Делай то, что тебе говорят. Что ты возишься со своими курсантами как с писаной торбой? Запомни, куда курсанта не целуй, везде задница. Калугин возражал. Он отстаивал свою точку зрения на воспитание будущих офицеров. Именно здесь была причина неприязни со стороны начальника.

Роман вышел из отдела кадров в отвратительном настроении. Он решил идти домой. Хватит на сегодня неприятностей. Но события развивались иначе. У входа в здание его ждал посыльный.

– Товарищ капитан, разрешите обратиться?

– Слушаю вас! – ответил Роман.

– Вас срочно вызывает командир батальона! – четко доложил курсант.

– Где он?

– У себя в кабинете.

Через несколько минут Калугин вошел в кабинет командира батальона.

– Товарищ полковник, капитан Калугин по вашему приказанию прибыл, – строго по уставу обратился к командиру капитан.

Полковник Петренко, это тот самый командир батальона, который несколько лет назад поменял местами Калугина и Ершова. Только тогда он был еще подполковником. Скользкий тип. Без особых принципов. Офицеры за глаза звали его Хитренко. За изворотливость и способность угождать начальству. Как любой слабый и угодливый человек, Петренко был на редкость жесток к тем, кто был у него в подчинении. Интересы этих людей для него не существовали.

– Калугин! Ты охренел? – грубо закричал комбат. – Ты считаешь, что выполнять мои распоряжения необязательно? Почему до сих пор документы на отчисление курсанта Романова не готовы?

– Разрешите объяснить?

– Да уж, объясни!

– Во-первых: не надо на меня кричать, – Роман начал нарочито спокойным и тихим голосом. – Во-вторых: не надо «тыкать». Мы оба офицеры и давайте уважать наше звание.

– Ты меня будешь учить? – продолжал на повышенных тонах Петренко.

– Нет, товарищ полковник, – продолжал спокойным ровным тоном Калугин. – Это неблагодарное занятие. Разрешите мне все-таки пояснить свою позицию.

– Какую позицию, Калугин? Ты совсем сбрендил? Я тебе приказал! Ты не выполнил приказ! Какая, к черту, позиция?

– Вы задали мне вопрос, – не сдавался Роман. – Вы хотите получить ответ? Или для вас это неважно?

– Продолжай! – наконец-то, согласился комбат.

– Я считаю, что Романова отчислять не за что! – и, не дожидаясь очередного взрыва эмоций, капитан продолжил. – Да, он совершил грубый дисциплинарный проступок. Но в той ситуации, которая у него сложилась, Романов поступил как мужчина. Мы же здесь учим курсантов не только командовать направо, налево, но, главное, принимать решения ответственные и правильные на данный момент.

– Как у тебя все складно, капитан, – немного утихомирился полковник. – Значит, ты считаешь, что находясь в наряде с оружием, он имел право пойти в самоволку, чтобы устроить разборки со своей женой?

– А как бы вы поступили в такой ситуации? – спросил Калугин.

– Ну не так! Это точно!

– Не уверен! – продолжал переубеждать комбата Роман. – Вы представьте себе, что вы стоите в наряде, а к вашей жене пришёл любовник. Вы об этом узнали и...

Петренко молчал, нервно постукивая карандашом по столу.

– ... И остались бы бездействовать. На следующий день сдали наряд. Дождались выходных. Получили бы увольнительную и пошли бы выяснять отношения с женой. Так? – Роман ждал ответа от начальника, но тот продолжал молчать. – Я считаю, что Романов поступил так, как сделал бы это любой другой мужчина. Причем, берите во внимание то, что он не устроил драку, не применил оружие. Он убедился в том, что жена ему не верна, и вернулся на службу. Я настаиваю на том, что отчислять курсанта Романова нельзя. Если хотите, могу об этом же доложить начальнику училища.

– Так! – рывкнул Петренко и от злости разломил карандаш пополам. – Завтра к утру документы на отчисление ко мне на стол. Если ослушаешься, пиши рапорт на увольнение. Свободен.

Роман шел домой и всю дорогу думал, как поступить? Неужели все настолько плохо, что офицеры перестали дорожить своей честью? Как можно в угоду каким-то формальностям, сломать жизнь человеку? Отчислить курсанта из училища за нормальный мужской поступок? А, собственно, чему удивляться? Несколько лет назад, все тот же Петренко отправил отличника замкомвзвода в «Тмутаракань», а сыночка большой начальницы вместо него служить в Германию. Ничего в этом мире не меняется. Следует завтра идти к начальнику училища и все объяснять. За судьбу Романова надо бороться.

На следующий день Калугин ждал в приемной начальника. Он был уверен, что генерал его поддержит. Секретарша подняла трубку, потом обратилась к Роману:

– Капитан Калугин, заходите. Начальник ждет вас.

Генерал сидел за большим столом и подписывал какие-то документы. Бумаг на столе было много.

– Докладывайте, капитан, – не поднимая головы, сказал начальник.

– Товарищ генерал, я хочу пояснить вам ситуацию с курсантом Романовым.

– Я что-то не припомню, что там с вашим Романовым? – спросил генерал все также, не поднимая головы.

– Самоволка из наряда, – уточнил Калугин.

– Ах, да, вспомнил, – начальник поднял взгляд на Калугина. – Так этот курсант из вашего взвода?

– Так точно, товарищ генерал.

– И что здесь прояснять? Грубейшее нарушение. Надо отчислять, – и генерал снова наклонился над бумагами.

– Дело вот в чем, – продолжил Роман. – У него сложилась сложная семейная ситуация. Жена изменяет. Он узнал об этом, когда заступил в наряд. Обратился к дежурному по батальону с просьбой отпустить его на два часа. Тот оставил просьбу без внимания. Романов отлучился самовольно. Но никаких сложных последствий не было. Исходя из этого, прошу вас ограничиться строгим взысканием, но не отчислять Романова из училища. Он будет хорошим офицером. У него есть характер. К тому же, хорошо учится.

– Напомни-ка мне Калугин, кто был дежурным по батальону?

– Старший лейтенант Усов.

– И что, – генерал нахмурил брови. – Он не догадался в этой ситуации сообщить вам или ротному? Это что за отношение к курсантам? Вы разговаривали с ним?

– Да, разговаривал. Но он не хочет обсуждать этот случай. А командир батальона считает, что Усов поступил правильно.

Генерал поднялся со своего места, подошел к маленькому столику в углу кабинета и налил себе минералки. Потом повернулся к капитану:

– Минералку будешь?

– Нет, спасибо! – ответил Калугин.

– Жена изменяет, это очень плохо, – рассуждал начальник. – Для офицера это неприемлемо. С такой женой надо расставаться незамедлительно. Иначе вся служба насмарку. Так ты говоришь, он там ничего не натворил. Разобрался мирно?

– Да, товарищ генерал. Убедился, что все так и вернулся в роту.

– Знаешь что, Калугин, приведи мне этого Романова. Хочу с ним поговорить, – принял решение начальник. – Если все так, как ты говоришь, то парня отчислять не будем.

– Есть! – ответил Роман. – Разрешите идти?

– Нет, погоди, капитан, – остановил Калугина генерал. Он подошел к столу и долго искал какие-то бумаги в стопке с документами. – Вот. Нашел. Твой комбат Петренко на тебя такую аттестацию написал, что гнать тебя надо из армии. Почитать хочешь?

– Нет желания, – спокойно ответил Калугин. – Я догадываюсь, что там написано.

– По мне, капитан, ты офицер хороший. Конечно, со своими тараканами, но хороший. Я эту филькину грамоту заставлю переписать. Но, – генерал подошел к Роману и жестом предложил ему присесть на стул. – Есть одно «но». Я, Калугин, ухожу на повышение. И очень скоро. Вместо меня придет новый начальник. Между прочим, однокашник твоего Петренко. Как он себя поведет, я не знаю. И если честно, какое-то мутное назначение. Что-то там нечисто с моим сменщиком. Надо бы тебе, Калугин, с комбатом пока замирииться. Наладить отношения. Жалко будет, если съедят тебя. Попробуешь?

– Спасибо, товарищ генерал, за доверие. Я попробую, – ответил капитан.

– Ну, вот и хорошо. Жду твоего Романова, – генерал опять сел за стол и занялся бумагами.

– Разрешите идти? – обратился к начальнику Калугин.

– Идите!

Романова не отчислили. Наказали его тремя сутками ареста, но в училище оставили. Петренко после этого был в ярости. Обещал на офицерском совещании не забыть Роману эту, как он выразился «подставу». И через пару месяцев слово свое сдержал. С приходом нового начальника, друга юности полковника Петренко, у Калугина начались серьезные проблемы на службе. Взыскания сыпались как из рога изобилия. В конце концов, Петренко поставил вопрос перед общим собранием офицеров, об увольнении Калугина из рядов вооруженных сил.

Офицерское собрание было назначено на пятницу, а сегодня, в среду, капитан Калугин, проходя по длинному коридору управления, увидел высокую худощавую фигуру Александра Четвертова, бывшего начальника особого отдела. Александр недавно перешёл на другую должность в управление. Роман удивился, увидев Четвертова около своего старого кабинета.

– Роман Алексеевич, зайдите ко мне, – указывая жестом на дверь своего кабинета, вежливо сказал майор Четвертов.

– А перед контрразведкой я, чем провинился? – с легкой иронией спросил Роман. – Нечто и с вашей стороны на меня Полкана спустят?

– Да ну! Что вы, Роман! Это чисто дружеская беседа.

– Хорошо! Как ни странно, но вам, товарищ майор, я верю, – уже без иронии сказал Калугин и вошел в кабинет. – А почему майор Четвертов здесь?

– Присаживайся, – перешел на «ты» Четвертов, после того как плотно закрыл за собой дверь. – Нового начальника отдела пока не назначили, вот я и нагло пользуюсь кабинетом. Кофе будешь?

– Наливай! – в том же панибратском тоне ответил Роман.

– Мне подарили хороший кофе, – продолжал майор, включая в розетку маленький кипятильник. – Уж кого-кого, а тебя, Рома, я с удовольствием угощу.

Роман сел на стул у окна и с улыбкой наблюдал за тем, как высокий худощавый Саша Четвертов неуклюже управляет с приготовлением напитка. Капитан не раз бывал в этом кабинете. Они с майором были хорошие приятели. Часто играли в шахматы и в одной волейбольной команде. Любили покер, за его игрой порой засиживались за полночь.

Вода в стеклянной банке, выполняющей роль чайника, закипела, и Четвертов разлил кипяток по стаканам.

– Угощайся, Рома, – предложил Александр. – Сахар положи себе сам.

– Спасибо! – Роман положил себе ложку сахара. Размешал и, попробовав напиток, продолжил. – Я так думаю, ты меня не кофе пить пригласил.

– Почему? – с улыбкой ответил майор. – Именно попить кофе. Ну и сделать тебе предложение.

– Ба! – засмеялся Роман. – Предложение руки и сердца?

– Ну, почти! – смеясь, ответил Четвертов. – А если серьезно, то предложение моё, Рома, очень для тебя неожиданное. Готов?

– Всегда готов! – вздернув руку в пионерском приветствии, ответил Роман.

– Скажу прямо, – загадочно начал Четвертов. – Инициатива была моя. Но как у нас принято я изложил суть плана начальству. Меня поддержали.

– Подожди! Подожди! – перебил майора Роман. – Это что получается? Без меня, меня женили?

– Роман! В любом случае, выбор за тобой. Я только сделаю тебе предложение. А решать будешь ты.

– Рассказывай!

– Рома, скорее всего из армии тебя уволят по статье. Для тебя это плохо. Но для дела, которое я тебе предложу, это хорошо. А дело, Рома, вот какое, – Четвертов глубоко вздохнул и медленно сел на стул. – Видишь, что в стране происходит? Всем и вся начинают править

деньги. А там где власть денег, ещё и при отсутствии нормального руководства, там, Рома, начинается балаган. Нас ждут очень тяжелые времена. Надо к этому готовиться сейчас. Завтра будет поздно. Думаю, и сегодня уже опоздали. Но хотя бы попробуем догнать. Ты помнишь Архипова?

– Архипова? Конечно, помню! – уверенно ответил Калугин. – И друга его Брауна, хорошо помню.

– Ну, так, поди, не раз на «ковре» встречались?

– В одной категории выступали. Их в позапрошлом году отчислили обоих.

– Да. За вымогательство. Надо было посадить, но не срослось. Потерпевшие отказались от показаний. Долгая история, – Четвертов отчаянно махнул рукой. – Суть не в этом.

– А в чем?

– А в том, Рома, что этот Архипов становится авторитетным бандитом. И друг его Браун, тоже в этой шайке. Судя по нашим оперативным сведениям, Архипов активно набирает вес. Милицейское начальство уже его прикрывает. Не бесплатно, конечно. Не равен час он и до власти доберется.

– Саша! Я ведь этого Архипова хорошо помню. Он парень крепкий, волевой, а главное умный.

– Умный, Рома! Умный! Это не те старые уголовники с гонором. Это новое поколение. Жестокое. Без правил и законов. Они такое натворят, что мы потом долгие годы разгребать будем, не разгребем. Не столько страшно за нас, как за наших детей. Что их ждет?

– Честно сказать, Саша, мы не знаем, что нас всех ждет, – Роман оглянулся на дверь кабинета. – Не в этих стенах будет сказано, но мне кажется, что эта страна летит в пропасть.

– Да, дружище! – согласился Четвертов. – Но с этим надо что-то делать. Если все вместе сложим лапки, то будет совсем худо.

– Саш! – Роман пристально посмотрел на собеседника. – Я надеюсь, прелюдия закончена? Говори, что ты от меня хочешь.

– Ладно, Рома! Открываем карты. Я хочу, чтобы после увольнения ты подружился с этими ребятами, – Александр скорчил гримасу и смешным голосом сказал. – Коварно втерся к ним в доверие и обманом выведал секреты.

– Ты с ума сошел? – возмутился Калугин. – Какой из меня, к черту, разведчик? Я завалю все дело.

– Не завалишь, Рома. Кто-нибудь другой, только не ты. Пойми, за тебя абсолютно всё, майор стал загигать пальцы. – Увольняешься по статье. Это раз. Бывший спортсмен – это два. Знаком с этими парнями – три. И склад ума у тебя, Рома, аналитический. Ты умеешь просчитывать, – четыре. Ну и пять это то, что ты никак не связан с нами. Об этом всем хорошо известно. Рома, ты безупречный кандидат.

– Дай мне хотя бы посоветоваться с Настей.

– Ты в своем уме? – повысил голос Александр. – Зачем Насте об этом знать? Даже не думай. Завалишь всю операцию. И жену подставишь. Нет, Рома, это мужская игра и женщинам тут не место.

– Мне надо подумать. Это все очень серьезно.

– Думай, Калугин, думай. Я тебя не тороплю. Дело действительно серьезное и опасное. Но я уверен, что ты, Рома, справишься, – майор достал из стола блокнот и что-то там написал. – Вот здесь номер телефона. Позвонишь.

Роман встал со стула, подошел к Четвертову и, протянув ему руку, с улыбкой сказал:

– Спасибо за высокое доверие, товарищ майор. А пистолет и гранату дадите?

– Рома! – рассмеялся майор. – Ты в своем амплуа! Разве над такими вещами шутят?

– А почему нет? – Роман взял со стола фуражку и направился к выходу. Перед дверью остановился и повернулся к Четвертову. – Саша, можно еще вопрос?

- Спрашивай!
- Кто еще знает о твоём предложении?
- Только я и мой непосредственный начальник.
- Понятно. Тогда я пошел думать, – Роман открыл дверь и застыл в проеме. – Прости Саша! Ответ, скорее всего, будет отрицательный.
- Это твой выбор, Роман. Иди, думай. И с ответом не спеши. Время ещё есть.

***

Настя поставила перед Романом тарелку с ужином и села напротив. Роман ел медленно. Мысли о произошедшем сегодня не давали ему покоя. Да и предложение Четвертова спутало все карты. Он никогда не представлял себя в подобной роли. Эта сторона жизни была Роману совершенно незнакома. С другой стороны, кто-то же должен делать эту работу. Если вдруг ситуация в стране поменяется, может быть с помощью Александра ему удастся восстановиться на службе. Вопросов было очень много. Ответ Калугин должен был дать сам, без подсказки.

- Рома, – вдруг обратилась к мужу Настя. – Жить, на что будем?
  - Завтра пойду по городу посмотрю, что происходит. Что с работой? Настя, я думаю, что заработаю больше моей офицерской зарплаты.
  - Будем надеяться, – задумчиво произнесла Настя.
  - Настя, все нормально будет, – успокаивал жену Роман. – Руки, ноги, голова есть. Заработаю.
  - Хорошо, что квартиру успели получить. Да, Рома, сегодня Веру Богатову видела.
  - Ну. Как они поживают с Сережей.
  - Убили Сережу, – тихо ответила Настя.
  - Как убили? – Роман положил вилку на стол и отодвинул тарелку. – Как это случилось?
  - Они с Верой собрали деньги. Сергей поехал в Прибалтику за машиной. Хотели продать здесь и заработать. Из Клайпеды он выехал, а до Москвы не доехал. Недалеко от границы нашли с пулей в груди. В милиции сказали, что там банда орудует. Грабят водителей и убивают. А машины потом перепродают. Жалко Сережку. Двое детей сиротами остались.
  - Ты Вере скажи, если помощь нужна, поможем, – Роман встал из-за стола. – Спасибо за ужин. Иди, ложись спать. Тебе на работу рано. Лешку я завтра в школу соберу.
  - Спасибо, родной! – Настя поцеловала мужа и пошла в спальню.
- Роман засиделся на кухне за полночь. Достал из холодильника водку. Налил рюмку. И шепотом произнес:

– Пусть земля тебе будет пухом, Серега. Светлая тебе память.

Сергей Богатов был давним другом Калугина. Боевой офицер. После тяжелого ранения в Афгане комиссовался. Пошел преподавать в школу. Мужик был мировой. Как же он подставился? Наверное, был не готов к такому повороту событий. А отморожков этих, которые Сережку убили, скорее всего, не найдут. Бандитов в стране стало больше чем милиции. Безнаказанность порождает новые преступления, более наглые и жестокие. Если даже бывшие курсанты, почти готовые офицеры, становятся урками то, что говорить о дворовой шпане. Прав Четвертов. Похоже, опоздали. Гниду эту надо было душить в зародыше. Может быть, стоит согласиться на предложение Александра? Хоть какую-то пользу принесу людям. Опасно? Конечно, опасно! Жить вообще становится опасно. Вот Серега, за кусок железа погиб. Этой ночью Калугин решил, что он скажет Четвертову «да».

Утром Роман проводил маленького Алешу в школу. Потом пошел в центр. Надо было купить газету с объявлениями. Может быть, удастся найти подходящую работу. По пути он хотел зайти в ювелирную мастерскую к Борису Марковичу. Мастер обещал отремонтировать браслет на часах Калугина. Можно было отнести в часовую мастерскую, но с Борисом Марко-

вичем Роман был знаком давно и знал, что если тот берется за какую-нибудь работу, то делает её на совесть. Сын Бориса, Михаил Бершицкий выпускался во взводе у Калугина. На выпуске они с Марковичем и познакомились. Старший Бершицкий оказался человеком порядочным, а, главное, благодарным Роману за отношение к сыну во время учебы в училище. Так и подружился. Неделю назад Роман отнес в мастерскую к Борису браслет и сегодня собирался его забрать. Ювелирная мастерская Бершицкого находилась в самом центре города, около рынка.

Калугин купил в киоске «Союзпечать» газету и через пять минут был уже в мастерской.

– О! Роман Алексеевич! – нараспев заголосил Бершицкий, радуясь встрече с Романом. Ювелир вышел из-за своего прилавка и обнял Калугина. – Как я рад тебя видеть, Рома.

– Здравствуйте, Борис Маркович, – ответил Роман.

– Миша далеко. А ты, Рома, мне за сына, – продолжал Борис. – С тех пор, как мы с тобой познакомились, у меня два сына. Барух а шем! Это по нашему – слава Богу! Рассказывай, Роман, как твои дела.

– Как сажа бела, Маркович, – с иронией ответил Роман. – А если конкретнее, то завтра меня из армии выгонят.

– Боже мой! – запричитал Борис. – Какая солома у этих людей в голове? Если ты плохой офицер, Рома, то я испанский летчик. Твоя беда наверное в том, что слишком честный человек.

– Наверное, Маркович. Или глупый. Не могу я смириться с подлостью. Не могу пресмыкаться. Упрямый я, а значит глупый. Вот вся моя беда, Борис Маркович.

– Так будет не всегда, – подняв указательный палец, сказал Бершицкий.

– Не уверен. Мне кажется, что мы уже не дождемся лучших времен, с досадой сказал Калугин.

– Рома, у меня есть старший брат Иосиф. Он раввин. Благо сейчас за это не наказывают. Так вот он как-то рассказал мне одну иудейскую притчу. Послушай, тебе будет полезно.

– С удовольствием, – ответил Роман.

– Однажды, – начал свой рассказ Бершицкий. – К раввину в синагогу приходит прихожанин и говорит: «Рабе, подскажи, что мне делать? Моя жизнь рушится. Я потерял работу, жена заболела, сын бездельник, ничего не хочет делать, ни учиться, ни работать. А дочь, просто загуляла. Как жить дальше, рабе»? На что раввин отвечает: «Знаешь что, добрый человек иди домой, возьми большой белый лист бумаги, напиши на нем «так будет не всегда» и повесь его на внутренней стороне двери своего дома. Каждый день, выходя на улицу, ты будешь читать это». «И всё»? – спрашивает прихожанин. «Все»! – отвечает раввин. Мужчина пошел домой и сделал так, как сказал ему рабе. Прошло полгода. Опять этот же прихожанин приходит к раввину: «Скажи рабе, как отблагодарить тебя? – спрашивает он. – Моя жизнь наладилась. Я нашел хорошую работу, жена поправилась и чувствует себя хорошо. Сын поступил в университет, а дочь, очень удачно вышла замуж». На что раввин отвечает: «Не надо благодарности, уважаемый прихожанин. Я очень рад, что мой совет тебе пригодился. У меня к тебе будет одна просьба». «Конечно рабе, я все исполню!» – с готовностью ответил мужчина. И раввин говорит: «Читай каждый день эту надпись. И помни: так будет не всегда!» Понимаешь, Роман, надо каждый день жить и что-то делать. Тогда рано или поздно всё наладится.

– Трудно с вами спорить, Борис Маркович, – согласился Калугин. – Только мне сейчас не до философии. Работу надо искать.

– Это с этой целью ты купил эту местную газетку? – спросил Борис Маркович, с ироничной улыбкой указывая на газету, торчащую из кармана куртки у Романа.

– С чего-то надо начинать.

– Рома! Оглянись вокруг, – запричитал Маркович. – Неужели ты думаешь, что в этой газетенке кто-то предложит достойную тебя работу? Я вас умоляю.

– Где же тогда искать? Я ведь к этому человек не приспособленный. Я всю жизнь служил. Куда пошлют, там и служил.

– Роман Алексеевич, дорогой мой, ты никак не привыкнешь к тому, что мы уже живем в другой стране. И не только страна стала другой. Главное, люди стали другими. И ценят они теперь совсем не то, чему учили их коммунисты.

– Да, Маркович, – согласился с доводами Бершицкого Калугин. – Я сам очень удивляюсь, как быстро все «перекрасились». Сняли красные знамена, «съели» партийные билеты. Куда делся великий советский народ?

– Народ к этому был готов давно. Рома, не кривя душой, ответь мне на такой вопрос: ты в магазине одежды. Тебе надо купить штаны. Перед тобой брюки фабрики «Большевичка» и джинсы «Levi Strauss». Что ты выберешь?

– Конечно, «Levi Strauss»! – не задумываясь, ответил Калугин.

– Ты сам ответил на свой вопрос, – резюмировал Маркович. – Знаешь, Рома, как человек обремененный богатым жизненным опытом, я вот что тебе скажу. Коммунизм, он ведь не так плох, как это сейчас пытаются преподнести. Не молоток виноват в том, что он попадает по пальцам, а человек, который этим молотком орудует. Не коммунизм виноват в том, что страна развалилась, а те языкастые, которые пришли к власти. У них же, как рот закрыл – рабочее место убрано. А теперь тебе, Роман, мне, старому еврею, детям нашим и внукам придется все это расхлебывать. И дай Бог, чтобы это получилось.

– Но если посмотреть с другой стороны, так жить, как мы жили, дальше было невозможно. Надо было что-то менять, – подытожил Калугин.

– Абсолютно с тобой согласен, Роман, – воскликнул Бершицкий. – Только для того, чтобы сделать ремонт в квартире не надо ломать весь дом.

– Мудрый вы человек, Борис Маркович. И все-таки, – Роман вернул разговор в нужное ему русло. – Что посоветуете с работой? Чем мне лучше заняться?

– Роман Алексеевич, мы неправильно с тобой ведем такой важный разговор, – сказал Бершицкий, снимая с головы ювелирные очки-лупы и выключая свет мощной настольной лампы. – У меня сейчас перерыв на обед. Тут рядом у моего друга хорошее кооперативное кафе. Сейчас идем туда. Хорошо пообедаем и поговорим о твоей будущей работе.

– Борис Маркович..., – хотел было возразить Калугин, но Бершицкий его перебил.

– Ша, Рома! Шекет, как говорили мои предки. Я хочу тебе помочь, ты против?

– Нет, не против, – смутившись, ответил Роман. – Но мне неудобно кушать за ваш счет.

– Неудобно, Роман, когда невеста на свадьбе в фате и с животом на девятом месяце. Вот это действительно неудобно. А пообедать за счет ювелира один раз, это очень даже прилично.

Бершицкий закрыл на ключ свою мастерскую, и они с Романом медленно пошли в сторону кафе.

Кафе находилось на пересечении двух улиц, на первом этаже помпезного послевоенного четырехэтажного дома. Место, судя по всему, было проходное. Свободных мест в обеденное время не было. Но Борис Маркович был другом хозяина и поэтому в *vip* зале для него всегда был забронирован небольшой столик. Мужчины прошли через зал и устроились за своим столом.

– Как всегда? – спросила официантка в накрахмаленной блузке и с блокнотом в руке.

– Да, Машенька, только сегодня в двух экземплярах, – ответил Бершицкий, заправляя большую белую салфетку за воротник. – Здесь очень приличная кухня.

– Но и цены, наверное, приличные? – иронично заметил Роман.

– Хорошая еда дешевой быть не может, – серьезно ответил Маркович. – Иначе это не частное кафе, а столовая обкома. А они плохо кончили, Рома.

Еду принесли быстро, и собеседники принялись неторопливо обедать. Кушали молча. Ни Роман, ни Борис Маркович не отвлекались от трапезы, пока тарелки были полные. И лишь после того, как официантка забрала со стола пустую посуду и принесла кофе, Бершицкий нарушил молчание.

– Так ты, Рома, меня спросил про работу, – вернулся к теме разговора Борис Маркович. – Начнем с простого. Где-то купить и где-то продать. Это реальные быстрые деньги.

– Маркович! – возразил Калугин. – Посмотри на меня. Где я и где спекуляция?

– Роман Алексеевич, если хотите дальше жить как достойный человек, меняйтесь! – назидательно произнес Бершицкий. – На минуточку, спекулянты создали самую богатую и процветающую страну в мире, – Соединенные Штаты. Я бы на вашем месте сильно подумал.

– Ну, хорошо! – согласился Роман. – Но что покупать и что продавать?

– Все что угодно. Шмотки, электронику, водку, сигареты. Сейчас можно продать все.

– А где это купить? – продолжал закидывать вопросами Калугин. – И где взять деньги?

– Боже мой! Посмотрите на него! – замахал руками Бершицкий. – Скажи, Рома, а зачем ты знаком с Борисом Марковичем? Неужели ты думаешь, что старый еврей тебе откажет в небольшой сумме? Человеку, который так помог мне с сыном.

– Маркович! Ты вправду думаешь, что я возьму у тебя деньги просто так?

– Нет! Я так не думаю, – продолжал выразительно жестикулировать ювелир. – По– меньшей мере это неприлично, когда просто так. Ты отдашь мне часть прибыли.

– Сколько?

– Один процент, – Маркович поднял вверх ладонь, как бы останавливая возражения Романа. – Поверь мне, для начала это неплохо. Никаких дискуссий, Рома. Но самое главное не в том, что надо купить и продать.

– А в чем? – Роман не понимал, куда клонит Бершицкий.

– А в том, Роман Алексеевич, что сейчас распродают страну. Бывший Советский Союз. И вот это надо покупать. Чем быстрее, тем лучше. Ты слово «ваучер» знаешь?

– Кому они нужны? – рассмеялся Калугин.

– Так, Роман Алексеевич, думают все простые люди. А те, кто это придумал, именно на это и рассчитывают. Эти бумажки людям раздали бесплатно. Что с ними делать никто не знает. А тут такое предложение поменять на деньги. Почему бы и нет? Меняют. А фишка, Рома, здесь вот в чем, – если таких бумажек купить много, то потом на них можно отхватить приличный кусок. Этого куска хватит не только тебе, но и твоим детям и внукам.

– Борис Маркович, – пристально посмотрев на ювелира, спросил Роман. – А почему вы, с вашими возможностями, не скупаете эти бумаги?

– Откуда такие выводы, Рома? – удивился Бершицкий. – Как раз этим я и занимаюсь. Но никому об этом не говорю. Только тебе. Ты же мне как сын. Так что, господин Калугин, добро пожаловать в новые реалии! А то поглядите на него, собрался работу через газету искать! С твоим образованием, дисциплиной и способностями, надо быть впереди на белом коне!

– Спасибо за добрый совет, Маркович.

– Мне думается, что этих советов будет ещё немало, – ювелир свернул салфетку и аккуратно положил её на стол. – Завтра придешь ближе к вечеру, я дам тебе денег и скажу куда ехать и что покупать. Если все будешь делать правильно, капитал накопишь быстро. А там и бумажки начнешь скупать.

Мужчины уже встали из-за стола, чтобы уйти, но в этот момент к ним подошел невысокого роста полный мужчина.

– Добрый день! – вежливо и нарочито учтиво он поздоровался с Бершицким. – Борис, ты можешь уделить мне несколько минут? Очень важное дело.

– Конечно, Миша! Кстати, познакомься, – Маркович положил руку на плечо Романа. – Роман Алексеевич. Мой добрый друг и с сегодняшнего дня мой коллега по бизнесу.

– Михаил! Очень приятно! – мужчина протянул Роману руку. – Владелец этого кафе.

– Взаимно, – ответил Роман.

– Боря, пускай твой друг посидит здесь. Девочки принесут ему чай с десертом. А мы зайдем в мой кабинет. Тема не для посторонних ушей.

– Нет, Миша! – возразил Бершицкий. – Роман пойдет с нами. Он мой друг и скрывать от него нечего.

– Хорошо! – согласился Михаил.

Кабинет директора скорее был похож на склад. Коробки с посудой, какое-то старое кухонное оборудование, куча папок с документами, занимали большую часть комнаты. Михаил предложил гостям присесть на стулья в углу, а сам хлопотал с приготовлением чая. Он хорошо знал, что Борису Марковичу предлагать спиртное днем не имеет смысла.

– Миша! – прервал хлопоты директора Бершицкий. – Мы с Романом хорошо пообедали, поэтому прекрати суетиться и рассказывай, что у тебя случилось.

– Плохое у меня случилось! – с тяжелым вздохом присел на стул Михаил. – Ты же знаешь, что всем нам приходится платить так называемый взнос, за так называемую безопасность. Я уже год исправно плачу и никаких претензий ко мне не было. Но сегодня утром приходят три мордоворота и говорят, что теперь они хозяева в этом районе и платить надо им. Я тут же позвонил «своим» бандитам и они мне сказали, что если я вздумаю платить новой бригаде, у меня будут большие проблемы. К ментам я не пойду. Ты помнишь, что со мной сделали в прошлый раз, когда я обратился к ним. Боря, я боюсь! Я не знаю, что мне делать!

– Миша! Спокойно! – Бершицкий своим невозмутимым тоном попытался успокоить Михаила. – Я хорошо знаю правила, по которым нам приходится жить. Я тоже плачу. Все платят. Что ты хочешь от меня? Чем я могу тебе помочь?

– Поговори со своим компаньоном Александром Богдановичем, чтобы меня под свое крыло взял Архип, – конец фразы Михаил произнес шепотом.

– Ах! Вот ты куда клонишь! – Маркович задумался. Он переводил взгляд то на Романа, то на Михаила. Видимо обдумывал свой ответ. – Миша! Я надеюсь, ты понимаешь, о чем просишь?

– Конечно! Архип это серьезная фигура. Лучше платить ему и быть уверенным, что меня никто не тронет...

– Архип, – перебил собеседника Бершицкий. – Это жестокий и умный бандит. Если ты думаешь, что Архип будет к тебе относиться так же, как к нам с Богдановичем, то ты крупно ошибаешься. Не забывай, что сестра Сашкина замужем за Архипом. Поэтому мы живем относительно спокойно. А ты можешь даже не заметить, как лишишься всего и пойдешь по миру.

Калугин внимательно слушал и очень хорошо понимал, о каком Архипе идет речь. Он решил не спрашивать ни о чем Марковича, чтобы не выдавать интереса к Архипову. Калугин слушал. Слушал и анализировал.

– Что же мне делать? – еще больше заволновался Михаил.

– Во-первых, перестань паниковать. Во-вторых, пригласи этих бродяг на встречу. Пускай это будет их проблемой, кому ты будешь платить. Здесь закон джунглей, кто сильнее тот и прав. Миша, перестань бояться. Страх приводит к простатиту, а затем и к импотенции. Оно тебе надо?

– Господи! – взмолился Михаил. – Причем здесь простатит и импотенция?

– Что, боишься? – засмеялся Бершицкий. – Видишь, что такое клин клином вышибают? Ты испугался импотенции, зато сразу перестал бояться бандитов.

– Тебе легко шутить, – с обидой сказал Михаил.

– Шутить, Миша, очень даже нелегко. Чтобы шутить, надо иметь острый ум и чувство юмора. Кстати, я думаю, что скоро наступят времена, когда на этом можно будет хорошо зарабатывать.

– Может все-таки к Архипу? – не успокаивался Михаил.

– Нет, Миша! Архип, это конец твоего бизнеса. А я тебе зла не желаю. Сделай, как я сказал. Так будет правильно, – ювелир посмотрел на часы. – Так, через семь минут мне надо

открыть мастерскую. Несмотря на бардак в стране, бардак в бизнесе недопустим. Счастливо тебе, Миша. Ничего не бойся. До встречи.

Калугин проводил ювелира до мастерской и попрощался до завтра. Всю дорогу домой он обдумывал то, что услышал сегодня. Бершицкий прав, пора прощаться со старой советской жизнью. Менять образ мышления. Так как было, уже не будет никогда. А вот про бывшего курсанта Архипова, Роман узнал много нового. Надо завтра об этой встрече рассказать Четвертову. Пока все складывается удачно. Возможно, план Александра сработает.

На следующий день в полдень состоялось офицерское собрание, на котором почти единогласно было принято решение уволить Калугина из Вооруженных Сил. Против выступил только Влад Лисицын. Он служил с Романом в одном батальоне. Влад выступал эмоционально. Клеймил позором соглашательскую позицию офицерского коллектива. Но ему было можно. Он был заслуженный офицер. Орденоносец. Влад мог себе позволить пренебрегать авторитетами. Ни новый начальник, ни комбат, не могли повлиять на мнение Лисицына. Что ни говори, а «Орден Красного Знамени» исполнял роль непробиваемого щита. Тем не менее, с армией Калугин попрощался.

По пути домой Калугин зашел к дежурному и попросил позвонить. Тот разрешил. Роман набрал номер, который ему дал Четвертов.

– Слушаю, – раздался голос на том конце провода. Роман узнал Александра.

– Это я! – не представляясь, сказал Роман. – Я согласен.

– Тогда сейчас встретимся. Жди меня в училище. Я скоро буду, – сказал Четвертов и быстро положил трубку.

Роман медленно прогуливался по аллее около штаба. Вдруг он услышал за спиной знакомый голос:

– Рома! – это был Четвертов. – Пойдем, поговорим.

– Пойдем, – безучастно ответил капитан. – Я все-таки надеялся, что ты оставишь меня в покое.

– Роман, да мы вроде обо всем договорились. Ты дал согласие. О каком покое ты сейчас говоришь?

– Извини, Саша, – Роман тяжело вздохнул. – Понимаешь, настроение такое поганое. Сейчас бы стакан водки засандалить и забыться.

– Ну, так поехали, – с улыбкой сказал Четвертов. – Составлю тебе компанию.

– Ты сейчас серьезно?

– Конечно! Не здесь же на лавочке нам сидеть и отсвечивать. Есть хорошее место. Поговорим о наших делах. Я там тебя с хорошим человечком познакомлю. Он тебе будет полезен.

– Заманчиво, – Роман снял фуражку и взъерошил волосы. – А, правда, Саша, поехали, оторвемся.

– Поехали, – Четвертов хлопнул Романа по плечу. – Дело решим и, за одно, стресс твой снимем. Жизнь продолжается, Рома. Я пойду кое-что заберу в своем бывшем кабинете. А ты иди, переодевайся и жди меня около дома. Как-то не очень прилично в форме отрываться в кабаке.

Ресторан с типичным, еще советским названием «Вечерний», находился на выезде из города. В прежние времена он слыл приличным заведением. Здесь завсегдатаями были люди с деньгами. Разные местные руководители и начальники, работники торговли, офицеры, и, конечно, командировочные. Куда без них. Теперь все поменялось. Публика стала иной. Как, собственно, и вся жизнь этой страны. Зарплаты теперь не платили. А если платили, то с большой задержкой. Надо было как-то сводить концы с концами. Не до ресторанов было. А вот у криминала и зарождающегося класса предпринимателей, деньги были. Они-то и стали основными посетителями ресторанов и баров.

Офицеры приехали в «Вечерний» днем. В ресторане было пусто. На входе стоял пожилой швейцар. Четвертов подошёл к нему и что-то тихо сказал. Тот снял фуражку и услужливо произнес:

– Сейчас все устроим. Пойдемте!

Друзья прошли за швейцаром к столику в углу. Он был скрыт от посторонних глаз большой колонной.

– Прошу вас, – указывая на столик, сказал швейцар и слегка наклонился. – Сейчас к вам подойдут.

Роман рассказал Четвертову о вчерашней встрече с Бершицким и о том, что он услышал об Архипове.

– Я в тебе не ошибся, дружище. Смотри, как быстро ты проник в мир капитала, – со смехом сказал Александр. Затем, перейдя на серьезный тон, сказал. – Роман, послушай меня внимательно и постарайся все запомнить. С сегодняшнего дня ты человек свободный. Я вижу, что как заработать себе на жизнь и прокормить семью, ты уже понял. Кстати, семья это твое самое слабое место. Помни это всегда.

В этот момент к столику подошла невысокого роста эффектная блондинка. Короткая стрижка, огромные голубые глаза, скрытые под красивыми роговыми очками и легкая, слегка надменная улыбка на губах. На вид девушке было лет двадцать пять, не более. Роман смутился от внезапного появления столь эффектной и уверенной женщины.

– Познакомься, Роман, – приподнимаясь со стула, сказал Четвертов, – это Светлана.

– Роман, – представился Калугин.

– Очень приятно, – сказала девушка и по-мужски протянула Роману руку.

– Света, сядь, посиди с нами немного, – предложил Четвертов. – Пообщаемся. Заодно и с Романом близко, близко познакомишься.

– Это зачем? – удивился Роман.

– Это, Рома, надо для дела. Света работает у нас уже несколько лет. Теперь вся связь только через неё. Про мои телефоны забудь. Любая связь, даже экстренная, только через Свету. Ты Роман, должен стать, как бы, её близким человеком. Напарником. Старайся это не афишировать. Здесь люди ушлые, могут всё понять. Света, все твои контакты я Роману дам. А ты позови к нам официанта и не забудь, чтобы на тебя тоже накрыли. Будем, под хорошую выпивку и закуску, создавать команду.

– Хорошо, Саша, команду так команду, – Света рассмеялась и ушла.

– Саша, это что все серьёзно? – шепотом спросил Роман. – Нам обязательно надо так плотно общаться?

– Почему тебя это пугает? – с иронией ответил Четвертов. – Будь я на твоём месте, даже думать бы не стал. Ты посмотри, какая шикарная девчонка. Красивая, умная, разведенная.

– Но как я понимаю, это не правильно, – продолжал возмущаться Калугин. – Это нарушает все правила.

– Рома! – осадил друга Александр. – Не путай. Ты не нелегал в чужой стране. Ты живешь в своём городе, в этом обществе, в котором всегда жил. Тебе надо просто получить доступ к информации. Чем больше у тебя будет простых людских пороков, тем легче тебе будет внушить к себе доверие. Так что, давай, во все тяжкие. Если вы станете любовниками, я буду это приветствовать. Но с головой. Голову не отключать. Иначе все провалишь.

К столику подошла официантка. Пышная женщина средних лет со смешной, покрытой толстым слоем лака, прической. Мужчины заказали водки и нехитрой закуски. А для дамы, шампанское. Выпили много. Но Романа водка не брала. Нет, конечно, состояние опьянения было, но видимо стресс тормозил действие алкоголя. Засиделись допоздна. Четвертов предложил Роману проводить Свету домой. Поймали такси. Сели на заднее сиденье. Света назвала адрес.

– Кстати, Роман, – сказала Светлана. – Вам надо знать, где я живу. Поднимитесь со мной до квартиры.

Роман многозначительно посмотрел на девушку.

– Не думайте обо мне плохо, – Света захихикала. – Я вам предлагаю только подняться до дверей квартиры. И все. Мало ли что? Чтобы вы точно знали, куда нужно прийти и не рыскали по подъезду. Рома, это понятно?

– Теперь понятно, – ответил Калугин.

Такси остановилось около дома, где жила Света. Они с Романом поднялись на третий этаж.

– Вот моя квартира, – девушка указала на дверь с номером девять. – Будешь приходить, в звонок не звони. Стучись. Я пойму, что это ты. Запомнил?

– Да! – Роман кивнул головой.

– Теперь ты всё знаешь, – Света поцеловала Калугина в щеку и с лукавой улыбкой сказала: – Езжайте, Роман Алексеевич, домой. Завтра у вас начинается новая жизнь.

***

– Все это можно с легкостью перестроить, Максим Анатольевич, – говорил восторженно визгливым голосом управляющий директор Семенов, семена короткими ногами в стоптанных туфлях. – Раз вы стали владельцем этого замечательного здания, вы можете сделать здесь все что угодно. Документацию я подготовлю.

Архипов молча, без тени эмоций на лице, ходил по зданию ресторана «Вечерний», которое «чудесным» образом стало его собственностью.

– Слышь, Бруня! – обратился он к своему другу Брауну. – Что здесь делать будем?

– Ну как что, Архип? – выпучил глаза Браун. – Смотри! На первом этаже, ночной клуб с кабаком. А на втором, казино. Круто будет. Эй, как там тебя, – Браун щелкнул пальцами, обращаясь к директору. – А подвал тут есть?

– Конечно, Дмитрий Иванович, – продолжал голосить толстый Семенов. – Очень большой подвал. Под всем зданием.

– Ну вот, – продолжал Браун. – А в подвале сделаем сауну с бассейном. Ништяк! Все получится!

– Значит так, Славик! – обратился к Семенову Архип. – Готовь свои бумаги. Только быстро. Если кто-то будет мешать, скажешь мне фамилию. Убедим человека, – Архип громко рассмеялся.

– Максим Анатольевич, прямо сейчас начну все делать, – услужливо наклонившись как покорный слуга, сказал Семенов.

– Поехали, Бруня. Нас серьезные люди ждут, – Архип вместе с другом направился к машине.

Возле большого черного «Юкона» стоял водитель Архипова, – здоровенный, под два метра ростом, парень по кличке Бегемот. Где бы не находился Бегемот, он всюду и всегда грыз семечки. Они не кончались у здоровяка никогда.

– Блин, Бегемот! – подойдя к машине, сказал Архип. – У тебя когда-нибудь закончится этот корм?

– А у него в кармане подсолнухи растут, – сказал Браун и громко захохотал.

– А что, Архип, я аккуратнo. Я только на улице грызу, – стал оправдываться Бегемот.

– Интересно, – продолжал Архипов, усаживаясь на заднее сиденье. – Когда ты спишь, ты тоже грызешь?

– Не, по-детски заулыбался Бегемот. – Когда я сплю я... Сплю. И всё. Куда едем?

– Поехали на стадион, – скомандовал Архип. – Ступа стрелку забил. Что-то важное у него.

Ступа, это Семенченко Константин Константинович. Авторитетный жулик. Человек скрытный и незаметный. Жил скромно. В маленьком доме на окраине города. Но вместе с тем, большая часть прибыли от подпольной торговли алкоголем и наркотиками, оседала у него. К тому же, он слыл среди братвы человеком справедливым. Насколько это понятие возможно применить к вору и бандиту. Если Ступа назначал кому-либо встречу, то отказываться не стоило. Архип это знал. Ссориться со Ступой не хотел. Ему были выгодны ровные отношения.

«Юкон» остановился около служебного входа на стадион. Там, в основном, располагались тренировочные залы и небольшое, затрапезное кафе. В нем и назначил встречу Семенченко. Архип с Брауном зашли в зал и, после приветствия присутствующих, сели за стол напротив Ступы.

– Как дела, Архип? Все ли у тебя хорошо? – хриплым голосом спросил тот.

– Спасибо, брат! Все нормально. Зачем звал? – соблюдая все формальности, ответил Архип.

– Проблема есть. Твои люди, Архип, кинули моих друзей, – Ступа указал на трех человек сидящих в углу зала.

Архип обернулся и стал разглядывать мужчин. Это были цыгане. Посередине, видимо старший, сидел толстый цыган с сальным лицом и неопрятной седой бородой. Рядом с ним сидели два бравых, по цыганским нормам, щеголя. Все трое наблюдали за разговором «авторитетов», смотря исподлобья и с явной агрессией. Архип медленно повернулся к Ступе.

– Ступа, давай конкретно. Кто из моих людей кинул? Где и как?

– Ромалэ, иди сюда! – небрежно взмахнув рукой, подозвал старшего Ступа. – Расскажи уважаемому Архипу, что случилось.

Толстый цыган тяжелой поступью переместился к столу, за которым сидели «авторитеты». Вытер комканым платком пот с широкого сального лба и хриплым прокуренным голосом стал объяснять:

– Мы имели дело с хорошим человеком, Борей Бершицким. Он присылал нам сигареты. Мы торговали. Через месяц отправляли деньги. Все было как по маслу. Ну,

пару раз получалось, что не успевали расторгнуться и задержали бабло. С кем не бывает?

– Послушай, кучерявый, – грубо перебил цыгана Браун. – Ты нам еще расскажи, как твой табор образовался! Рассказывай, как кинул тебя Бершицкий.

– Так не Бершицкий меня кинул. Не Бершицкий, – засуетился цыган.

– Ступа, он что, отмороженный, что ли? – спросил Архип с явно недовольным взглядом.

– Слышь, ромалэ! – зло зашипел Ступа. – Ты давай, ближе к делу. Уважаемым людям некогда твои романсы слушать.

– Я все понял, – поспешил исправиться цыган. – Кинул меня Роман.

– Какой ещё Роман? – удивился Архип. – Бруня, ты знаешь среди наших Романа?

– Не знаю.

– Он приехал от Бориса, – пояснил бородатый. – Нормальный чел. Вежливый. Хорошо одет. Приезжал за деньгами несколько раз.

– Ну и? – нервно спросил Архип.

– Теперь денег у нас нет.

Архип на минуту задумался, затем повернулся к цыганам и резко приказал:

– Так, вышли погулять. Нам надо перетереть тут со Ступой кое-что.

Цыгане послушно удалились.

– Ступа! – обратился к собеседнику Архип. – Давай по чесноку. Эти лохи тебе зачем? Что ты за них вписываешься?

– Архип, они моим товаром торгуют, – очень спокойно пояснил Ступа. – У них хорошая сеть. Зачем мне терять таких барыг. Надо людям помочь. Разберись, Архип. Сделай доброе дело.

– Ладо, Ступа, я тебя услышал. Разберусь. Если косяков с их стороны не было, деньги верну, – Архипов резко поднялся и, не прощаясь, вышел.

Через полчаса они с Брауном зашли в мастерскую Бершицкого. У ювелира была небольшая очередь. Браун подошел к прилавку и громко хлопнул по нему ладонью.

– Граждане, жаждущие расстаться с золотом и бриллиантами, лавочка ненадолго закрывается. Подождите за дверью, пожалуйста.

Посетители не стали возражать, видя угрожающий вид бандита. Все очень быстро вышли из помещения. В этот момент из подсобного помещения вышел Калугин.

– Товарищ капитан! – удивленно сказал Архипов. – Вы – то, как здесь?

– Стреляли! – отшутился фразой из известного фильма Роман. – А если серьезно, то давно уже не капитан.

– Что, турнули? – с иронией поинтересовался Архип.

– Ну да. Можно и так сказать.

– Но вас-то за что? – вступил в разговор Браун. – Вы вообще от Бога офицер.

– Видимо, нет, – возразил Роман.

– Роман Алексеевич теперь работает со мной, – пояснил Бершицкий.

– Ба! – воскликнул Архип. – Так вот кто у нас Роман, который цыган на бабки кинул.

– Максим Анатольевич, у вас неверная информация, – начал пояснять Борис Маркович. – Никакого кидалова не было. Роман Алексеевич, немного экстравагантным способом изъясился у должников наши деньги. Заметьте, мы с этой прибылью заплатили вам хорошую долю.

Архип вопросительно посмотрел на Брауна. Тот подтвердил кивком головы.

– Ну-ка, капитан Калугин, расскажи про этот экстравагантный способ, – обратился к Роману Архипов.

– Ничего особенного, – скромно сказал Калугин. – Эти цыгане стали раз за разом недоплачивать. Долг нарастал как снежный ком. Я не знаю, на что они рассчитывали. Судя по всему, они вообще не собирались деньги возвращать. Борис Маркович предложил обратиться за помощью к вашим людям. А я подумал, что и сами вопрос решим. Стал ездить к ним часто. Усыпил бдительность. Они начали мне доверять. Подумали, что простачок, подвоха от меня не ждали. В один из приездов уже поленились пойти за деньгами. Рассказали, как найти их бухгалтера. Дали записку. Я пошел. Там сидит бухгалтер, девчонка лет четырнадцати, не больше. Читает по слогам, считать совсем не умеет. Деньги хранятся в больших шифоньерах. Пачки снизу доверху. Считает их девчонка не рублями, а пачками. А я подумал, почему бы не считать сразу шифоньерами. В общем, долго рассказывать, но я тогда понял, что долг мы вернем с процентами. Приходил к их барону, брал записку, по дороге переписывал как мне надо. Почерк-то, примитивный. Ну и вот. Больше мы с ними не работаем. Деньги у цыган закончились.

– Ну, ты, Калугин, головастый, – громко рассмеялся Архип. – Учись, Бруня. Без паяльников, без шума, без войны, денежки вот они, – и снова обратился к Калугину. – А не боишься, что цыгане тебе предъявят? Могут ведь ножичком почикать.

– Не боюсь, – спокойно ответил Роман. – У нас все их расписки есть. Косяк за ними конкретный. Да и потом, Максим Анатольевич, они ведь не только нас кидали. Они и из вашего кармана деньги тянули. Сейчас все встало на свои места.

– В общем, да, – почесывая подбородок, согласился Архип. – Предъявить вам нечего. Закрою я этот вопрос. А с тобой, Калугин, надо бы нам почирикать за одно дело. Я тебе скажу, когда приехать. Пошли, Бруня. Пускай люди работают.

Когда Архип с Брауном уселись в свой черный джип, Максим сказал водителю:

– Бегемот, пойдешь, погуляй минуту. Нам с Бруней надо поговорить.

Браун посмотрел на Архипова с нескрываемым удивлением.

– Что такое, брат? – спросил Бруня.

– Ты почему мне вовремя не сказал, что ювелир заслал нам бабло сверх нормы? – тихо, но очень сердито сказал Архип.

– Да, брат! Я просто забыл. Ну, заслал и заслал, – стал сбивчиво оправдываться Браун.

– Если бы я знал об этом заранее, я бы не выглядел идиотом, – рявкнул Архип. – Я должен знать обо всех движениях моих денег. Ты понял?

– Да, понял я, братан, все я понял, – испуганно залепетал Бруня.

– Зови этого грызуна. Поехали.

Вечером того же дня, на квартире у Светланы, Роман ждал Четвертова. Света поставила на стол вазочку с конфетами и налила чаю. Александр пришел вовремя.

– Ну, шпион-разведчик, – начал, шутя Четвертов. – Рассказывай, зачем звал?

Роман рассказал Четвертову о сегодняшней встрече с Архиповым и о том, что Архипов хочет пригласить Романа на какой-то важный разговор.

– Как мне себя вести? На что соглашаться, а на что нет? – спросил Калугин.

– Рома, веди себя естественно. Не думай о том, что тебе надо, во что бы то ни стало добыть какую-то важную информацию. Что дойдет до тебя естественным путем, то и дойдет, – инструктировал Романа Четвертов. – На явный криминал не соглашайся. Ты не пацан из бригады. Ты мозги. Вот так себя и позиционируй. Главное, Рома, пусть все идет своим чередом.

– Все понятно, – обдумывая сказанное Александром, сказал Калугин.

– Теперь о тебе, Света, – обратился Четвертов к Светлане. – Архипов выкупил ваш ресторан, но ты попробуй там остаться на работе. Ты девушка видная, опытная. Думаю, от такого работника Архип не откажется. Но все же, дистанцию держи. В пекло не лезь. Если нет, то нет. Мы найдем для тебя варианты.

– Хорошо, – тихо ответила Света.

– И вот ещё что, – продолжал майор. – Теперь свою связь не светите вообще. Обстоятельства могут поменяться в любой момент. Поэтому вы не друзья. Просто были когда-то знакомы и всё. Понятно?

– Понятнее некуда! – сказал Роман.

– Ну и хорошо! А теперь давайте по чайку и разбегаемся.

Они пили чай, рассказывали анекдоты, хохотали и ещё не знали, насколько трагические события ждут их впереди. Они просто жили и радовались этому. Насколько это было возможно в их положении.

***

Сережа Ершов двигался по службе как по эскалатору в метро. Ровно и без остановок. Благодаря усилиям высокопоставленной мамы, Сергей Валентинович прибыл на службу в немецкий Магдебург сразу на «сладкую» штабную должность. А через четыре года был направлен в Высшую школу военной контрразведки. Через некоторое время капитан Ершов стал офицером особого отдела. Карьера складывалась как нельзя лучше. Надо сказать, что Ершов был умным, изворотливым и всегда держал нос по ветру. Он всегда за версту чувствовал малейшие изменения, происходившие вокруг него, и мгновенно занимал выгодную сторону. После развала Советского Союза майор Ершов, к тому времени опытный комитетчик, понял, что принадлежность к структуре безопасности сулила выгодное положение в обществе. Не только должностное, но и финансовое. Одним словом, Сергей Ершов стал воспринимать службу как бизнес. Похоже, что процветанию бравого майора ничего не могло помешать.

Тем временем, Максим Архипов, убедившись в незаурядных способностях Калугина, приблизил Романа к себе и стал поручать ему самые ответственные дела. В один из вечеров

Роман приехал, по приглашению Архипова, в казино «Жар-птица», бывший ресторан «Вечерний». Теперь в нем находился главный офис Архипа. У входа стоял уже не престарелый швейцар, а два крепких парня, так называемый «фейсконтроль». Они, конечно, узнали Калугина.

– Здравствуйте, Роман Алексеевич, – дружелюбно приветствовали они Романа.

– Добрый вечер! – так же вежливо ответил Роман. – Максим Анатольевич у себя?

– Он отъехал. Сказал, что скоро будет, – ответил один из охранников. – Браун здесь.

– Спасибо. Я подожду в баре. Как вернется, дайте мне знать.

– Да. Конечно, – ответил на просьбу Романа один из парней и распахнул дверь.

Калугин прошел в бар, заказал чашку «капучино» и сел за свободный столик, ожидая шефа. Он мог подождать его и в кабинете. Доступ туда у Калугина был свободный, но не хотел встречаться с Брауном. В последний год их отношения сильно испортились. Браун был грубым, резким и годился только для каких-то силовых действий. Тут он был незаменим. Но времена постепенно меняются. На первый план выходят другие люди, умеющие думать, просчитывать, анализировать. Архипов это понимал. Поэтому Брауна задвигал подальше, а Калугина выводил на первый план. И еще один фактор имел серьезное значение. Брауна нельзя было подпускать к финансам. Он был не чист на руку. Архипов об этом знал. Однажды Дмитрий Браун «прикарманил» приличную сумму из денег, собранных за «крышу». Через несколько дней Архип об этом узнал и решил проучить старого друга. Он заказал вертолет в местном авиапредприятии, якобы для прогулки. Все было обставлено как пикник. Алкоголь, мясо, девчонки. Брауну и в голову не могло прийти, что готовится экзекуция. Когда вертолет поднялся на приличную высоту, Архип приказал открыть большую боковую дверь и, пристегнувшись тросом, стал наблюдать с высоты за тем, что происходит внизу. Потом показал жестом Брауну, чтобы тот подошел к нему. Бруня ничего не подозревая, обмотавшись тросом, с глупой улыбкой подошел к двери. Не успел он опомниться, как оказался за бортом, повиснув на тросе. Это было страшно. А Архип достал откуда-то нож и стал демонстрировать, как он сейчас обрежет трос и отправит Бруню в свободный полет. Все находившиеся на борту замерли от ужаса. Только Бегемот, забыв про свой «корм», хохотал, принимая все это за шутку.

Вертолет стал понемногу снижаться, а Браун до сих пор болтался на тросе и орал. Архип все же обрезал трос, но сделал это перед самой землей. Бруня рухнул с небольшой высоты и отделался ушибами. Архип схватил обессилившего здоровяка и поволок его в кусты. Видимо там состоялся какой-то серьезный разговор между друзьями. Через несколько минут Максим вернулся, достал из сумки чистую одежду и велел Бегемоту отнести её Брауну в кусты.

– Да, и вот ещё, – Архипов достал из той же сумки компас, фонарь и коробку охотничьих спичек. – Скажи ему, что домой он добирается пешком. Хватит, налетался.

Вертолет взлетел и взял курс на аэродром. А Браун, с тех пор, отказывается участвовать в любых финансовых делах.

Калугин задумался за чашкой кофе и не заметил, как к его столику подошел Бруня. Он был изрядно пьян. В руке он держал недопитую бутылку «Martell». Здоровяк стоял и громко сопел растопыренными ноздрями.

– Ну что, махинатор! – обратился Бруня к Калугину. – Хочешь моё место занять? Подсживаешь, сука!

– Нет, Дима, – невозмутимо ответил Роман. – Мне твоё место не нужно. Мне и на своём неплохо.

– Брешешь!

– Брешут псы за забором, – жестко перебил Брауна Роман. – Ты, Браун, слова подбирай! Со своими яйцеголовыми будешь дерьмо извергать! А со мной разговаривай человеческим языком.

Браун поставил бутылку на стол. Лицо его покраснело от злости. Он резко выхватил из-за пояса пистолет, щелкнул затвором и направил на Калугина. Роман продолжал все так же

сидеть за своим столиком. Он, конечно, видел, что Браун направил на него оружие и наверняка понимал, что опасность велика, но сохранял спокойствие. Дразнить бандита было нельзя. Пьяный Бруня, скорее всего не отдавал отчета своим действиям. Но и сдаться в этой ситуации, было бы равносильно бегству с поля боя. Поэтому Калугин принял единственно правильное решение, – он просто игнорировал происходящее и продолжал спокойно пить кофе.

– Пистолет опусти, дуболом! – услышал Роман громкий голос Архипа. – Сколько раз я тебе говорил, Бруня, не направляй оружие на людей.

– А на кого мне его направлять? – заплетающимся языком спросил Браун.

– Вот на кого скажу, на того и направишь. Дай сюда, – Архип ловким движением выхватил пистолет из рук пьяного Брауна. – Иди, проспись! Ковбой!

Браун, качаясь и сбивая на ходу стулья, побрел к выходу.

– Спасибо, Максим Анатольевич, – поблагодарил Архипова Роман. Он всегда называл Архипа по имени и отчеству, подчеркивая цивилизованность их отношений.

– Ты, Роман, будь с ним осторожней. У него, в последнее время, в башке балаган, – сказал Максим и о чем-то задумался. – Надо что-то с ним делать. Ладно, это потом. Пошли ко мне.

Зайдя в свой кабинет, Архипов сразу подошел к бару и достал оттуда бутылку «Hennessy».

– Будешь? – спросил он Романа.

– Не откажусь, – согласился тот. После неприятной встречи с Брауном, надо было выпить. Успокоить нервную систему.

Архипов разлил коньяк по стаканам. Подал один Калугину. Молча чокнулся и залпом выпил содержимое. Роман наоборот стал смаковать напиток.

– Рассказывай, что ты придумал с Онинским НПЗ? – спросил Архипов.

– Есть одна надежная схема. Будем действовать на личных связях.

– Уточни!

– У Бориса Марковича в Москве хорошие связи по ювелирной линии. Люди вхожи в высокие кабинеты. Я думаю через них ключик подбирать.

– Рома, – закусив лимоном, начал разговор Архипов, – займешься этим делом лично. Но смотри, там надо будет локтями потолкаться. Сможешь?

– Максим Анатольевич, так, когда угодья выкупали, – напомнил Калугин, – тоже не хило локтями толкались.

– Э, Рома! Это были мелкие сошки. А тут заводик серьезный. С химией связан, – Архип присел на край письменного стола. – Здесь, братишка, красный директор. Тяжелая артиллерия. Эта Павлова, она из бывших партийных боссов. У неё там, – он показал пальцем вверх, – все схвачено.

– Когда приступаем? – спросил Роман.

– Завтра, – Архипов достал из стола пухлый конверт и протянул его Роману. – Здесь для начала достаточно. И еще. Поедешь не один. С тобой поедет Леонидова и Коля Артист.

– Судя по составу делегации, дело и вправду серьезное. Как бы пупок не надорвать.

– Калугин! – повысил голос Архип. – Вы с Марковичем сами мне все уши прожужжали: «надо отмывать производства»! Так?

– Верно, Максим Анатольевич, – спокойно подтвердил Роман. – Только вот что я думаю. Поддержка нам нужна в таких вопросах. Кто-то из власти или больших олигархов. Из тех, которые власть кормят. Раз уж на вершину лезем, надо подстраховаться.

– Вот же, сука! – выругался Архип. – Умеешь ты, Рома, испортить настроение перед сном.

– Что, думаете, я не прав?

– Да в том-то и дело, что прав. Но это же опять моя головная боль. Не тебе же искать этих челов, – Максим глубоко вздохнул. – Завтра с Леонидовой и Артистом все продумайте и в путь.

– Все понятно! Я пойду?

– Иди! – Архип устало махнул рукой.

Наталья Борисовна Леонидова была опытным юристом с хорошими связями. Женщина интеллигентная, с прекрасным образованием. Как она оказалась на «службе» у Архипова для Романа был большой вопрос. Видимо, какие-то сложные жизненные обстоятельства этому способствовали. А вот Коля Артист, это была фигура незаурядная. Его родители действительно служили в одном из московских театров. Да и сам Коля учился в театральном вузе, пока его не отчислили с последнего курса. Его актерские способности вызывали восхищение. Этим активно пользовались в «архиповской» группировке. А отчислили Колю за то, что угодил он в тюрьму. Артист придумал и сам же воплотил в жизнь интересную махинацию. Во время тотального дефицита в Москву, как в столицу, стекалось огромное количество грузовиков с товаром. Логистики нормальной не было и машины простаивали в ожидании разгрузки сутки, а то и больше. Этим воспользовался Артист и его друзья.

Вдоль очереди из грузовиков шел человек с портфелем и стучался в кабину. Когда водитель открывал дверь, человек начинал громко возмущаться:

– Ты чего здесь стоишь? Мы тебя со вчерашнего вечера ждем! Давай, выезжай из очереди и на разгрузку.

Водитель, конечно, интересовался, кто его ждет и где разгружаться?

– Ну, ты же в НПО «Электроника» приехал? Правильно? – продолжал настаивать человек с портфелем.

– Нет. Я в «Мосторге» разгружаюсь, – поправлял незнакомца водитель.

– Как в «Мосторге»? – искренне удивлялся человек. – У меня вот, – он размахивал какими-то бумагами перед лицом водителя, – твой номер и марка машины. Все документы в порядке. Дай-ка твои накладные!

Водитель под напором жулика отдавал документы. Тот просил подождать минуту, другую и куда-то отходил. Очень быстро возвращался и просил прощения за ошибку. Якобы, одна буква в номере была другой. После чего исчезал. И вот тут время выхода на сцену Артиста. Пока жулики переписывали данные из накладных и подделывали новые документы, Коля перевоплощался в представителя той или иной торговой организации. Делал он это мастерски. Артист подходил к водителю, про груз которого он знал уже все что надо, и забирал его на выгрузку. Бедолага, простоявший в ожидании более суток, как правило, радовался тому, что все скоро закончится и, не особо вдаваясь в подробности, ехал разгружаться. После выгрузки товар тут же перегружался в другой транспорт и с новыми документами уезжал куда-нибудь в другой город. Там его быстро реализовывали, и часть выручки возвращалась Коле и его друзьям. Артист жил на широкую ногу, пока эти махинации не раскрылись. Из театрального училища отчислили, а в тюрьму зачислили.

Вот в такой компании Калугину предстояло ехать в северный город и «отмыть» там большой завод. Лакомый кусок.

***

Павлова Екатерина Дмитриевна, ещё в начале горбачевских «фантазий» ушла с партийной работы в министерство. А в 90-м году стала директором крупного предприятия – Онинского НПЗ. Место хлебное. После развала страны и с началом дележки советского имущества, Екатерина Дмитриевна захотела «заводик» из государственной собственности сделать своей. Начала наводить справки в столице, искать нужных специалистов. Конечно, делала она это в строгом секрете, только через доверенных людей. Но, тем не менее, информация дошла до Бершицкого и Калугина. А затем и до Архипа. Так и родилась идея – «кинуть» Павлову. А воплощать эту идею в жизнь должен был Калугин. По иронии судьбы, именно Павлова почти пятнадцать лет назад «кинула» Калугина. Теперь очередь Романа расплатиться с обидчицей.

Конечно, ставки несоизмеримы. Надо сказать, Роман и не подозревал, что это та самая Павлова, с «легкой» руки которой, его судьба сделала такое крутое пики.

В приемной директора НПЗ было людно. Но три человека явно отличались от общей массы. Это были Калугин, Леонидова и Коля Артист. Коля перевоплотился во всезнайку-ботаника. Несуразная прическа, под слегка великоватым пиджаком белая рубашка, застегнутая на все пуговицы и громадные роговые очки. Такому персонажу невозможно не доверять. Щеголь Калугин, с обаятельной улыбкой, само воплощение успешного московского функционера. Ну и Леонидова, статная женщина с каменным лицом. Фемида – не иначе.

Павлова вошла в приемную и колючим взглядом осмотрела всех присутствующих. Внимание её привлекли московские гости. Она ждала их. Накануне ей позвонили из столицы и доложили о приезде этой группы.

– Вы из министерства? – громко обратилась она к москвичам.

– Да, – привстав, ответил Калугин.

– Проходите в кабинет, – она сделала властный жест рукой, после чего обратилась ко всем остальным. – По производственным вопросам все к главному инженеру. Остальные ждите. Освобожусь – приму, распорядившись, она велела секретарше, – Вера, принеси в кабинет чаю.

Кабинет Павловой был обставлен по-советски лаконично, но добротню.

– Слушаю вас, товарищи, – сказала директор, устроившись за своим столом.

– Меня зовут Калугин Роман, – представился Калугин. – Это мои коллеги, Леонидова Наталья Борисовна – юрист, Васильев Николай – специалист по ценным бумагам и рынкам. Мы к вам от Малиновского. Вот рекомендательное письмо, – Роман достал из портфеля конверт.

– Оставьте эти бумажки себе, – пренебрежительно махнула рукой Павлова. – Мы уж как-нибудь, по старинке. Напрямую поговорим.

Павлова сняла трубку и набрала московский номер Малиновского.

– Вячеслав Александрович, – обратилась она к Малиновскому поразительно изменившимся доброжелательным тоном. – Тут в моем кабинете сидит товарищ Калугин Роман со своей группой. Вы лично ручаетесь за них?

– Екатерина Дмитриевна! – начал нараспев негромким баритоном Малиновский. – Доверяйте им как самой себе. Это лучшие специалисты.

– Я вас поняла. Вы уж, извините, что я вас отвлекла. Просто вчера звонили из вашего ведомства. Но я этого человека лично не знаю. Решила перепроверить. Дело серьезное, вы же понимаете.

– Екатерина Дмитриевна, голубушка, – продолжал тем же гипнотизирующим голосом Малиновский. – Вы абсолютно правы. Правильно сделали, что мне позвонили. Вы, главное, не забудьте, когда у вас все сложится, старику на пирожки подбросить.

– Вячеслав Александрович, рано еще делить шкуру неубитого медведя, – продолжала заискивать Павлова. – Срастется – не забуду. Всего вам доброго!

Услышав короткие гудки в трубке, Малиновский хихикнул. Положил трубку и вернулся к столу, на котором лежал открытый кейс доверху набитый пачками американской валюты.

– Жаль тебя, Катя, но здесь, как говорится, каждый за себя, – поглаживая зеленватые купюры, сказал сам себе Вячеслав Александрович.

В кейсе «хрустела» благодарность от Архипа за хорошие рекомендации группе Калугина. За будущее Малиновский был спокоен. Через неделю его назначат на высокую должность в правительстве и Павловой до него не добратся.

Екатерина Дмитриевна положила трубку и, переводя взгляд с одного гостя на другого, барабанила пальцами по столу. Это продолжалось примерно минуту.

– Что собираетесь делать? – строго спросила она у Романа.

– Если вы хотите подробно, то Николай вам всё изложит, от «а» до «я», – ответил Роман.

– Нет! Сейчас – в общих чертах. Детали потом, по ходу дела.

– Схема такая, – начал Калугин, сохраняя темп, предложенный Павловой. – Мы создаем структуру с таким же названием, как и ваше предприятие, но отличие будет. Совсем незначительное. Затем эта структура начинает активно скупать акции предприятия. Само собой разумеется, что вы там светиться не будете. Все будет оформлено на посторонних лиц. Я думаю, что у вас есть доверенное лицо, на которого мы все оформим.

Калугин владел информацией в полной мере. Он знал, что на родственников оформить акции Павлова не сможет. По ряду причин. Бывшие коллеги по партии тоже не входили в круг доверенных. Так что, выхода у Павловой не было. Расчет только на Калугина и его друзей. Екатерина Дмитриевна видела, как «красные директора» скупают бывшую государственную собственность. И ей тоже хотелось оторвать лакомый кусок. Жажда наживы, вот слабое место Павловой. Этим Роман и воспользуется.

– Нет! – резко сказала Екатерина Дмитриевна. – Никаких посторонних. Оформляйте пока все на себя. Как все закончим, переформируйте на меня контрольный пакет.

– Наталья Борисовна подготовит договор. Мы все это оформим официально. Все наши обязательства. И когда...

– Никаких договоров, – резко оборвала Калугина директор. – Никаких официальных бумаг. Я вообще ничего об этом не знаю. Понятно?

– Екатерина Дмитриевна, я все понял, – уверенно сказал Роман, не выдавая никаких эмоций. – Тогда мы пошли работать.

– Держите меня в курсе, – сухо добавила Павлова. – До свидания.

Гости вышли из кабинета. Спешно вышли на улицу. Сели в машину, припаркованную около управления НПЗ, и только когда отъехали на приличное расстояние от здания, Роман обернулся к друзьям и с улыбкой сказал:

– Поздравляю! Рыба клюнула.

Работала группа Калугина быстро и слаженно. Павлова получала информацию каждый день и в какой-то момент она уже стала подсчитывать огромные прибыли, которые вот-вот свалятся на неё, как снежный ком. Для Екатерины Дмитриевны это было несвойственно, но Калугин со своими друзьями настолько очаровали Павлову, что она расслабилась и предалась мечтаниям. Длилось это недолго. Удар был внезапный. Один. И сразу нокаут. Когда на собрании акционеров Павлову уволили, а на её место генеральным директором выбрали совершенно «левого» человека, у Екатерины Дмитриевны случился сердечный приступ.

Сын Сергей Ершов, прилетел в тот же вечер. Дежурная сестра попыталась не пустить Ершова в палату, но тот в грубой форме обругал девушку, ткнув ей в лицо комитетскую корочку.

– Вызови лечащего врача! – приказал он сестре. – Только быстро. Жду в палате.

– Но уже поздно. Он дома, – робко пояснила медсестра.

– Значит, вызови из дома, – крикнул Сергей, направляясь к палате матери. – Если не приедет, пришлю за ним наряд.

Девушка сняла трубку и стала судорожно набирать номер доктора.

– Мама! – воскликнул Ершов, войдя в палату и увидев свою мать бледной и неухоженной. Он присел на край кровати и обеими руками взял руку Екатерины Дмитриевны. – Как же так, мама?

– Купилась я, сынок, – тихим обессиленным голосом произнесла Павлова. – Малиновский, подонок, подставил.

– Малиновский? – переспросил Ершов. – Так это все он провернул?

– Нет, Сережа, провернул не он. Но он прислал мне эту банду Калугина.

– Калугин, – повторил за матерью Ершов. – Кто же такой, этот Калугин?

– Сережа! Послушай меня, – Павлова сжала в запястье пухлую руку сына. – Завод мы уже не вернем. С этим я смирилась. До Малиновского сейчас не добратся. Даже не пытайся.

Шею сломаешь. А вот с его подручными можно посчитаться. Ты мальчик умный. Подумай. Их надо наказать.

– Мама, я все сделаю. Они пожалеют о том, что связались с тобой, – он поцеловал руку Екатерины Дмитриевны. – Про Малиновского, мама, я тоже не забуду. И на нашей улице перевернется телега с пряниками. Подождем.

– Правильно, сынок, – Павлова говорила все тише и тише. – Не забудь отплатить этой старой суке.

– Ты отдыхай, мама, а я пойду, доктора попугаю. Чтобы нюх не терял.

Ершов вышел из палаты и размашистым шагом подошел к испуганной медсестре.

– Вызвала?

– Да. Он сейчас приедет, – ответила та дрожащим голосом, поднявшись со стула.

Через несколько минут приехал доктор. Ершов завел его в ординаторскую и пару минут что-то очень громко говорил. Доктор только робко поддакивал и обещал всё сделать. Ершов вышел из кабинета и посмотрел на испуганную сестру.

– А ты девчонка симпатичная, – сказал он с хитрой улыбкой. – Ладно, не бойся меня, я дядя добрый. За мамой следи. Не дай Бог что – уволю! – с этими словами он также быстро исчез, как и появился.

Офис «Онинского НПЗ – Инвест», созданного командой Калугина специально для приватизации самого НПЗ, находился в центре города. Ершов сначала хотел подключить местных коллег для жесткого наезда на организацию, но потом передумал. Фамилия Малиновский его останавливала. Вячеслав Александрович был слишком значимой фигурой, чтобы Ершов мог игнорировать его заинтересованность к деятельности группы Калугина. Может быть, Калугин работал по прямому указанию Малиновского. Тогда Ершов бессилён. Правильно мама сказала – можно шею сломать. Поэтому Сергей решил сначала навести справки и посмотреть на этих людей, которые так бесцеремонно обошлись с Екатериной Дмитриевной. Он взял с собой двух прикормленных Павловой оперативников из управления по экономическим преступлениям, и под их прикрытием появился в офисе Калугина.

– Роман Алексеевич в отъезде, в Москве, – доложила милиционерам секретарь-референт. – Он прилетит завтра к обеду.

– Тогда кто его сейчас замещает? – поинтересовался один из оперативников.

– Николай Александрович его зам, но он тоже куда-то уехал и не сказал куда, – пожимая плечами, ответила девушка.

– Хорошо вы работаете, – вмешался в разговор Ершов. – Тогда мы хотим пройти по всем кабинетам и посмотреть на ваших сотрудников. У нас есть предположение...

В этот момент из своего кабинета появилась Леонидова. Она сразу, по внешнему виду и повадкам, узнала в гостях людей из органов.

– Господа! – прерывая Ершова, обратилась она к гостям. – Меня зовут Леонидова Наталья Борисовна. Я начальник юридического отдела. На все ваши вопросы вы незамедлительно получите ответы. Пройдемте ко мне в кабинет.

Наталья Борисовна настолько была убедительна, что товарищи из органов пошли за ней, как крысы за волшебной дудочкой. Перед дверью в кабинет Леонидовой, Ершов остановил оперативников и велел им подождать в коридоре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.